

щих примесей. Священнодейственный акт беления фиксируется в эмпирическом наблюдении практического алхимика. Аноним говорит: *признак совершенной белизны есть маленький, очень тонкий кружок, который появляется в верхней части сосуда как раз в тот момент, когда материя начинает принимать оранжевый цвет. Далее кружок разрастается, разливая белизну по всему реакционному пространству* (Пуассон, 1914—1915, № 8, с. 10—11). Однако метафизический смысл символов белого заглушает прямое наблюдение, вызволяя алхимическое рукотворение из тисков обыденщины в мир космогонических построений, закамуфлированных в пестрые одежды христианского мифа: опять-таки *воскрешение из мертвых, мужчина и женщина в белом (Кладбище невинных Николая Фламель), таинство брака. Пернети (XVIII в.) в «Мифо-герметическом словаре» пишет: когда появляется белизна на материи Великого деяния, значит жизнь победила смерть, царь воскрес, земля и вода обратились в воздух* (с. 11; *Pernety*, 1787). *Это воздействовала Луна. Небо и Земля бракосочетались. У них народится дитя. Ибо белизна указывает на священный брак устойчивого и летучего, женского и мужского. Погружение «речистых» цветов в наисветлейшее безглагольное Слово. Омовение, воскрешение, брак, зачатие.*

Красный цвет. Рождение связывается именно и только с *красным цветом*. Это итог *Великого деяния*, результат и цель одновременно. Конец. Пишут о *красном* совсем уж немного. Редко, но весомо: *философский камень — дитя, увенчанное царским пурпуром*.

Но и на этой священнодейственной стадии выступает технохимическая процедура: *воздействие умеренного огня, परिवаривание белого камня, становление красной кинозари, закалка на сильном огне. Арнольд из Виллановы (XIII—XIV в.) рассказывает: камень, достигший красного цвета и начинающий разрываться, надуваться и давать трещины, следует поставить на отражательную печь для пережигания, где он окончательно затвердевает* (ВСС, 1, с. 676—678). Цвет как краска на доске. От иконописного лика слововержца к рисованному персонажу олитературенного библейского пантеона.

Философский камень красного цвета не только медиатор меж несовершенным и совершенным. Он *улучшает и преумножает золото, если только его хорошенько растолочь и смешать с распушенным золотом*.

По пути к химии нового времени сакральный смысл цветовой гаммы уступает место цвету как безмолвной физической реальности: *окрашивание несовершенного металла в золотоподобный цвет, исцеление порчи — «язвы металлов»*.

Но это не просто материализация цвета. Цвет — духовно-материальный объект во всей своей символично-вещественной одновременности. *Подсыпание пурпурного порошка философского камня к смеси ртути, свинца и олова, помещенной в восковую тубу, при нагревании, способном расплавить воск, может обратить больные металлы в золото*. Идея физического, золотоподобного крашения, одухотворенного сакральным преобразованием несовершенных металлов в золото, высказана *Парацельсом* в трактате